

Глава 41. Мальчик с большой головой (часть 6)

Чан Я весь день ходил сам не свой — поник, словно подрезанная трава. Время от времени он принимался сокрушенно бормотать, обращаясь к Цэнь Сяолу:

— Мы потеряли все деньги... Как же нам теперь быть?

Цэнь Сяолу и сам прекрасно понимал, что без гроша в кармане они далеко не уедут, но слушать одни и те же причитания каждые пять минут было выше его сил. Казалось, от этих слов у него уже в ушах звенело.

Вечер выдался на редкость удачным: в пути их застал дождь, но неподалеку обнаружилась заброшенная хижина, где можно было укрыться. Цэнь Сяолу остановил повозку и, поддерживая вялого Чан Я под руку, завел его внутрь.

В помещении стоял тяжелый запах гнили и запустения — дом явно пустовал много лет. Углы заросли густой паутиной, а слой пыли на полу был таким толстым, что, казалось, и ступить некуда.

Хуан Минь подсуетился и расчистил место, чтобы Цэнь Сяолу мог усадить друга. Чан Я опустился на землю, словно безжизненная колода. Он будто окончательно потерял вкус к жизни и веру в будущее.

Сяолу поднес лепешку к самым губам Чан Я:

— Поешь.

Тот долго и безучастно смотрел на еду, а потом вдруг оттолкнул руку друга:

— Не могу. У нас почти не осталось припасов, нужно беречь каждую крошку.

Цэнь Сяолу силой вложил лепешку ему в ладонь:

— Ешь, я сказал. Даже если будешь экономить, еда все равно когда-нибудь закончится. Не изводи себя. Мы уже почти добрались до Молюя, там что-нибудь придумаем, подзаработаем. Не помирать же нам с голоду прямо сейчас.

В словах Сяолу была здравая логика, и Чан Я немного приободрился.

Хуан Минь тоже подал голос:

— Чан Я, если ты не притронешься к еде, то и нам будет кусок в горло не полезет. Мы и так обедаем вас, лишние рты на вашу долю.

— Дядя Хуан, ну что вы такое говорите, — отозвался Чан Я. — Это я сглупил, на эмоциях. Морить себя голодом — затея пустая. Ешьте тоже.

Он принялся жевать лепешку, но та казалась ему совершенно безвкусной. Прежде Чан Я и не считал эту еду изыском, но она хотя бы дарила сытость и мимолетную радость, теперь же и это удовольствие исчезло, сменившись грызущей тревогой за завтрашний день.

Цэнь Сяолу легонько щелкнул его по лбу:

— Хватит терзаться.

— Давай сегодня не будем ложиться, — предложил ему Чан Я. — Будем караулить по очереди.

Но тут же вспомнил, что красть у них больше нечего, и снова сник.

— Совсем я голову потерял... Теперь-то мы даже вора неинтересны.

— Это еще почему? — не согласился Сяолу. — Денег нет, зато вещей полно, мало ли кто на них позарится. Ты прав, сегодня будем дежурить вдвоем.

Ночью никто из них так и не сомкнул глаз. Впрочем, после случившегося Чан Я и так не смог бы уснуть. Семья Хуан Миня уже устроилась на ночлег, но спустя пару часов проснулся Хуан Цзыфэй. Мальчик захныкал, просясь по нужде, и Хуан Даймэй вывела его наружу. Чан Я спросил, не нужно ли их проводить, опасаясь за их безопасность, но женщина заверила, что они отойдут за угол дома и тут же вернуться.

Однако их не было подозрительно долго. Обычное дело не могло затянуться на столько времени. Как раз когда Чан Я уже собрался выйти на поиски, Хуан Даймэй вернулась, и вид у нее был пугающий.

Одежда Хуан Цзыфэя промокла насквозь, сам он выглядел крайне истощенным, а на лице горел нездоровый румянец. Даймэй несла его на руках, и с мальчика ручьями стекала вода — казалось, его только что вытащили из реки.

Шум разбудил Хуан Миня и Сяонань. Девочка бросилась к матери, подхватила брата и, торопливо сорвав с себя верхнюю одежду, укутала его.

— Цзыфэй! Цзыфэй, что с тобой? Почему ты такой горячий?

— Даймэй, что стряслось? — встревоженно вскрикнул Хуан Минь.

Чан Я и Цэнь Сяолу тоже поспешили к ним. Глядя на состояние мальчика, было ясно: он сильно простудился.

Хуан Даймэй тяжело дышала — видимо, бежала всю дорогу. Она вцепилась в руку сына, и голос ее сорвался на рыдания:

— Это все я виновата...

Хуан Минь погладил жену по спине:

— Да тише ты, объясни толком, что произошло? Как он оказался в таком виде?

— Цзыфэй попросился выйти, — сквозь слезы заговорила Даймэй. — Я хотела, чтобы он сделал все прямо у порога, на пустыре, но он заупрямился. Стеснительный стал, говорит, найди мне местечко в кустах, чтобы не на виду. Я не стала спорить, отвела его чуть подальше в лесок. Кто же знал, что там яма с водой! В темноте-то ничего не видно... Цзыфэй оступился и ухнул вниз с головой. Благо я успела его за руку перехватить, вытянула. Но он же у нас слабенький совсем, а тут и ледяная вода, и испуг... Вот и лихорадка началась.

Она низко склонилась над сыном, глухо всхлипывая. Беда, как говорится, не приходит одна: не успели они оправиться от одной напасти, как навалилась другая.

Хуан Минь, осмотрев сына, помрачнел:

— Жар очень сильный. А мы посреди глуши, ни одного лекаря в округе.

Хуан Даймэй зарыдала еще горше:

— Откуда у таких, как мы, деньги на лекарей? У меня ведь сын один-единственный! Цзыфэй, деточка, держись, молю! Если ты умрешь, что же мне делать?

— Тетушка Хуан, не нагнетайте, все не так страшно, — попытался успокоить ее Чан Я. Он понимал, что болезнь навалилась внезапно, но это не означало неминуемую смерть.

— Остается только молить небеса, чтобы сынок сам выкарабкался, — вздохнул Хуан Минь.

Сяонань тоже плакала — то ли от страха за брата, то ли заразившись отчаянием матери.

— Цзыфэй... братик...

Хуан Даймэй, глядя сына по лицу, вдруг словно что-то вспомнила. Она резко обернулась и вцепилась в рукав Чан Я, точно в последнюю надежду:

— Молодой господин Чан, у вас ведь есть с собой лекарства? Умоляю, ради спасения нашего Цзыфэя, дайте ему малую толику! Вы же знаете, нам не на что нанять врача. Когда-то Цзыфэй уже болел так же тяжело, и тогда его отец нашел в горах какие-то травы, только они его и спасли. Господин Чан, ваши снадобья могут сохранить ему жизнь. Проявите милосердие, мы до гроба будем помнить вашу доброту!

От такого внезапного и яростного напора Чан Я растерялся. Лекарства у него действительно были, но это были особые составы, приготовленные божественным лекарем Тань Цзиминем специально для тех детей с опухшими головами. Он вовсе не жадничал, но лекарство — не вода, его нельзя давать без разбору. Состав мог не подойти при обычной простуде и только ухудшить состояние мальчика. Рисковать было нельзя.

Чан Я терпеливо заговорил:

— Тетушка Хуан, я взял с собой лекарства, это правда. Но они приготовлены для совсем другого недуга и вряд ли помогут Цзыфэю. Скорее наоборот — могут навредить. Давайте дождемся утра. Мы с братом отвезем его в ближайший город, найдем лекаря. Только специалист сможет подобрать правильное лечение.

— Где же вы найдете лекаря? — Даймэй разжала пальцы и снова прижала к себе сына. — Денег-то у вас нет, кто станет лечить даром? Мой Цзыфэй может не дотянуть до завтра...

— Брат Чан Я, брат Сяолу, прошу вас, спасите моего братика! — Сяонань мало что понимала, но, услышав от матери, что у попутчиков есть чудодейственное средство, принялась умолять вместе с ней.

— Чан Я прав, — твердо вмешался Цэнь Сяолу. — Снадобья нельзя принимать наугад. Ждите до утра, мы доставим мальчика в город.

Хуан Даймэй не унималась:

— Зачем ждать, когда помощь прямо здесь, под рукой? Мы столько времени прошли вместе, я думала, мы для вас не чужие люди, а оказалось...

Она тяжело вздохнула, лицо ее исказилось от обиды.

— Понятно всё. Просто жалеете вы эти порошки, а сказки про завтрашнего лекаря — одна отговорка. Моему сыну помощь нужна сию минуту! Ох, если с ним что случится, и я в живых не останусь! Бедный мой ребенок, горькая твоя доля!

Хуан Минь попытался урезонить жену:

— Ну что ты, это ведь чужая вещь, нельзя требовать силой. Переждем ночь, Цзыфэй у нас крепкий, справится.

Но та будто оглохла: сидела, раскачиваясь, и выла над ребенком.

Чан Я был совершенно обескуражен. Всю дорогу они с Сяолу опекали эту семью, делились последним, и столкнуться с таким несправедливым обвинением было горько. Он пытался убедить себя, что супруги просто обезумели от горя и страха за сына.

Цэнь Сяолу не стал вступать в спор.

— Не толпитесь над ним, — коротко бросил он. — Положите мальчика.

Хуан Даймэй в своем исступлении так крепко сжимала ребенка, что на лице Цзыфэя проступило страдание. Казалось, она скорее задушит его, чем даст облегчение.

Прийти к согласию не удалось. Хуан Минь и его жена, так и не выпросив лекарство, отстранились. Между двумя группами в хижине легла невидимая, но отчетливая тень отчуждения.

Хуан Даймэй наконец затихла. Лицо ее окаменело, а в глазах застыла непонятная дума. Цзыфэя все же уложили на подстилку. Спорить сейчас было бессмысленно — жизнь ребенка оставалась главной заботой. Под руководством Цэнь Сяолу Сяонань помогла брату сменить мокрую одежду на сухую. Даймэй этому не препятствовала.

Спустя время Хуан Минь что-то шепнул жене на ухо, и оба поднялись, чтобы выйти наружу. Цэнь Сяолу проводил их внимательным взглядом — это поведение показалось ему странным.

Снаружи Хуан Даймэй мгновенно преобразилась. От ее недавней скорби не осталось и следа.

— Я, считай, своими руками сына в ледяную воду окунула, а толку? — прошипела она с нескрываемой злобой. — Лекарство так и не отдали. С виду добренькие, а за эти свои свертки трясутся, как за золото. Я уж и так, и эдак перед ними убивалась — ни в какую.

Обида душила её: принесенная в жертву простуда сына не окупилась.

— Это только доказывает, что снадобья те — вещь дорогая, — Хуан Минь брезгливо сплюнул. —

Тьфу! Лицемеры проклятые. Вся их помощь — просто подачки с барского стола. А ты и впрямь надеялась, что они наши жизни во что-то ставят? Скорее солнце на западе взойдет, чем богатей о бедняке искренне заботиться станет.

— И что теперь делать? — Даймэй развела руками. — Мальчишка горит, долго ли он так протянет? Идти с ними дальше нельзя.

— Ничего, он у нас живучий, — отмахнулся Хуан Минь. — Потемпературит и оклемается.

Все это было частью его плана. Он велел жене разыграть этот спектакль, чтобы выманить у Чан Я лекарства. Расчет был прост: получить снадобья, а потом под предлогом визита к родне разойтись с попутчиками в разные стороны. После этого они бы спокойно забрали припрятанные деньги, продали бы ценные лекарства и зажили припеваючи. Никто бы их не нашел и не обвинил. Но план дал осечку.

Хуан Минь на мгновение задумался, прищутив глаза:

— Мы не можем уйти с пустыми руками после стольких хлопот. Раз по-хорошему не вышло, пойдем напролом.

— Это как? — не поняла Даймэй.

— Дождемся утра, — зловеще ухмыльнулся муж. — Пусть они соберутся везти малого в город. Как только выдастся момент — заберем лекарства и поминай как звали.

<http://bllate.org/book/17545/1718880>